

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

*– А теперь смотрите,
как вас будут
убивать, –
предложил Дронго.*

Чингиз Абдуллаев

Обозначенное
присутствие

ЭКСМО

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Обозначенное присутствие

«PEN-клуб»

2010

Абдуллаев Ч. А.

Обозначенное присутствие / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2010 — (Дронго)

На крупного российского олигарха совершено покушение. Его пытались убить весьма изощренным способом: преступник обработал постельное белье олигарха сильнодействующим ядом. Достаточно было олигарху лечь в постель – и летальный исход был бы неминуем. Очень скоро под колесами автомобиля погибает прачка олигарха. Затем с признаками тяжелого отравления в больницу попадает горничная. . . Напуганный тем, как стремительно плетет свою паутину смерть, олигарх обращается за помощью к известному эксперту-аналитику Дронго. Едва начав расследование, Дронго приходит к выводу: преступник входит в ближайшее окружение олигарха. Он начинает методично допрашивать младшего брата, жену, сына, дочь, водителя олигарха и не сразу замечает, что смерть уже дышит ему в затылок. . .

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Чингиз Акифович Абдуллаев

Обозначенное присутствие

Прощаясь со Сваном, я спросил, как он себя чувствует. «Да ничего, – ответил он, – Но ведь я вам уже говорил, что я устал от жизни и, что бы со мной ни случилось, я ко всему отнесусь спокойно. Вот только, откровенно говоря, обидно было бы умереть до окончания дела Дрейфуса. Что-что, а морочить головы вся эта мразь насобачилась. В конце концов – с ней справятся – в этом я не сомневаюсь, – но ведь она очень сильна, у нее везде заручка. Как будто опасаться уже нечего – и вдруг: трах! Все насмарку. Я бы хотел дожить до того дня, когда Дрейфуса оправдают, а Пикар станет полковником».

Марсель Пруст.

«Содом и Гоморра»

Вот и прожили мы большие половины.

Как сказал мне старый раб перед таверной:

«Мы, оглядываясь, видим лишь руины».

Взгляд, конечно, очень варварский, но верный.

Иосиф Бродский.

«Письма римскому другу»

Глава первая

Он сделал все, чтобы обе его квартиры были абсолютно похожими. Одинаковые комнаты, перепланированные таким образом, чтобы особо не отличаться друг от друга, одинаковая мебель, расставленная одинаково в обеих квартирах. Даже испанская плитка в ваннных комнатах была куплена сразу на две квартиры. Люстры, занавески, белье, посуда – все покупалось сразу в двух экземплярах, чтобы чувствовать себя комфортно и в привычной обстановке как в Москве, так и в Баку. Стены кабинета занимали книжные стеллажи с одинаковыми книгами, которые он с таким трудом находил в московских и бакинских магазинах в начале девяностых и которые теперь пылились, никому не нужные на обочинах дорог, куда ныне выставляли почти бесплатно объемистые сочинения классиков. В шестидесятые-семидесятые годы эти книги стоили целое состояние. В начале двадцать первого века их не хотели брать даже даром, не хотели хранить, предпочитая просто выбрасывать на помойку. Он еще помнил времена, когда хорошую библиотеку могли обменять на дачу или на машину. Похоже, те времена безвозвратно канули в Лету. И наличие в доме хорошей библиотеки часто было лишь данью прежней моде, чем духовной потребностью хозяев.

Все новые и новые технические возможности развитой цивилизации предлагали новые формы досуга. Только цифровое телевидение, способное предложить несколько сот каналов, могло полностью изменить жизнь любого индивидуума, не говоря уже об Интернете, где можно было найти почти любую книгу, когда-либо изданную в мире. Он не любил читать книги в Интернете, предпочитая получать там практическую информацию и нужные ему сообщения. Лишенная обложки и индивидуальности книга в Интернете напоминала ему надувную резиновую куклу, которой иногда пытаются заменить живую женщину. Обманывая себя подобной иллюзией совершенства.

Ради справедливости стоило сказать, что в последние десятилетия были великолепно изданы лучшие произведения классиков и современных писателей. Чем меньше продавалось книг, тем выше становилось качество их изданий. Это был своеобразный взаимозависимый

процесс. Он купил новое издание «Декамерона», предвкушая удовольствие от перечитывания этой книги, которую когда-то открыл в шестнадцать лет. Но стоило ему устроиться с книгой в кресле, как раздался телефонный звонок.

Он недоволено поморщился. Это был звонок городского телефона, который был оснащен автоответчиком. После четвертого звонка включался автоответчик и громкоговоритель. Так, чтобы он слышал, кто именно ему позвонил. Так было и теперь. После четвертого звонка включился автоответчик, предложивший позвонившему продиктовать свое сообщение.

– Добрый вечер, – быстро сказал какой-то незнакомый мужской голос, – у меня к вам очень срочное и важное дело. Если возможно, то перезвоните мне на московский номер, – незнакомец продиктовал номер и отключился.

– Интересный тип, – подумал Дронго, – позвонил в субботу вечером и даже не извинился. Просто сообщил, что у него важное и срочное дело. Продиктовал свой номер и не представился. Значит, не хочет, чтобы его имя оставалось у меня на пленке. Судя по всему, человек весьма решительный, твердый, напористый, уверенный в своих возможностях. Абсолютно не сомневающийся, что я ему перезвоню. У таких людей обычно бывают секретари и адвокаты, но он предпочел позвонить сам. Следовательно, дело деликатное и серьезное.

Дронго поднялся из кресла, отложил книгу, подошел к телефону и снова включил запись сообщения. У позвонившего в голосе явно ощущался «металл». Так самоуверенно говорят очень богатые люди, привыкшие к тому, что все их пожелания будут немедленно исполнены. Интересно, почему он не представился?

Конечно, он не будет звонить ему в Москву. Если у этого человека столь важное и срочное дело, то он найдет возможность снова дать знать о себе в менее нахальной форме. И хотя бы представиться для начала. Дронго посмотрел на телефон и повернулся, чтобы пройти на кухню, выпить воды. В этот момент зазвонил его мобильный телефон. Он взял аппарат, посмотрел на табло. На этот номер телефона могли звонить только очень близкие люди: либо Джил, либо Эдгар Вейдеманис, либо еще несколько очень близких людей, в том числе и его мать. Однако на табло светилась надпись, сообщавшая о том, что номер позвонившего неизвестен. Это было уже само по себе неприятно. Дронго нахмурился. Телефон позвонил еще раз и после пятого звонка смолк. Он прошел на кухню, достал из холодильника бутылку минеральной воды, налил в стакан и выпил. Интересно, каким образом можно узнать номер его мобильного телефона? Ведь он зарегистрирован не в Москве, а в Баку, в местной компании. Или у позвонившего есть свои связи не только в Москве, где он узнал его московский городской номер, но и в Баку, где ему удалось узнать номер мобильного телефона? Это уже кое-что говорило о том, кто именно мог позвонить.

Дронго вернулся в кабинет. Задумчиво посмотрел на полки с книгами. Его мечта – остаться здесь на несколько десятков лет и успеть прочесть, снова перечесть или заново открыть для себя все эти книги. К своему стыду, у него в личной библиотеке еще было немало книг, которые он даже не успел прочесть. Это было обиднее всего. Нужно попытаться хотя бы прочесть все книги в своей собственной библиотеке, насчитывающей не одну тысячу томов. Ему уже далеко за сорок, а в последние годы его дергают все чаще и чаще, заставляя отвлекаться на различные расследования. С другой стороны, ему нравилась подобная «гимнастика» ума, когда неведомый преступник бросал вызов обществу и праву, совершая или пытаясь совершить очередное хитроумное преступление, которое требовалось раскрыть. Он принимал подобную ситуацию и как личный вызов, стараясь найти и покарать преступника, пытаясь не просто расстроить его планы, но и изобличить очередного мерзавца, решившего добиться своих целей любым способом.

Он взял книгу, усаживаясь снова в кресло. Интересно, кто это может быть, подумал Дронго? Но спокойно почитать ему все же не позволили. Через десять минут снова раздался телефонный звонок. Он изумленно прислушался. Это был телефон мобильной связи, зареги-

стрированный в итальянской телефонной компании. Неужели незнакомец сумел добраться и до них? Дронго поднялся и подошел к аппарату. Этот номер знали только двое. Джил и Эдгар. Он был предназначен для самых экстренных случаев. Но на табло снова не было номера. Он посмотрел на аппарат и не стал отвечать. Как интересно, подумал он уже с нарастающим раздражением. И повернулся к своему креслу. Именно в этот момент снова позвонил городской телефон. Включился автоответчик. Затем послышался знакомый голос Эдгара Вейдеманиса, его друга и напарника.

– Если ты дома, то возьми трубку, у меня к тебе срочный разговор.

Дронго взял трубку, отключая громкоговоритель.

– Добрый вечер, – пробормотал он, – почему меня так настойчиво ищут в субботу вечером?

– Здравствуй, – поздоровался Эдгар. – Ты уже все знаешь? Он тебя уже нашел?

– Давай по порядку. Кто меня должен был найти и кто мог узнать номера моих мобильных телефонов? Я догадываюсь, что ты не мог их дать ни при каких обстоятельствах...

– Верно догадываешься. Он сам их нашел. Наверняка сумел пробить твой мобильный через Баку.

– Кто-то звонил и на мой итальянский номер.

– Какая предусмотрительность, – восхитился Вейдеманис, – он, очевидно, сумел узнать, что семья у тебя живет в Италии и сумел просчитать, через какую телефонную компанию можно узнать твой номер.

– Очень интересно. Кто же это такой догадливый? Может, ты подскажешь?

– А ты разве с ним уже не разговаривал?

– Он позвонил и тоном, не терпящим возражений, предложил мне перезвонить ему на московский номер. Причем продиктовал номер мобильного телефона. В его голосе была не просьба, а приказ, что меня несколько вывело из состояния равновесия. Ты же знаешь, что я не люблю выполнять приказы от кого бы они ни исходили. А потом последовали звонки на мои мобильные телефоны с неизвестных номеров. И я решил не отвечать.

– Все в твоём стиле, – согласился Эдгар. – Это был сам Мастан Гасанов. Теперь понимаешь, откуда он знает и про твою семью, и про твои телефоны?

– Почему ты так уверен? Хотя голос был глухой и с отчетливым южным акцентом.

– Они уже вышли на меня. Ищут тебя по всей Москве. Насколько я понял, самого Гасанова сейчас нет в городе, но тебя ищут его адвокаты и помощники.

– Теперь понятно, откуда столь безапелляционный тон и такая срочность, – пробормотал Дронго.

Мастан Гасанов был одним из тех людей, которые упоминались в журнале «Форбс», когда речь заходила о первой сотне самых богатых людей России. Кроме занимавших привычные первые места Абрамовича, Прохорова, Дерипаски, Вексельберга, Фридмана, там еще были несколько человек, выходцев с юга. Вахид Алекперов, Фархад Ахмедов, Алишер Усманов, Сулейман Керимов, Араз Агаларов, Тельман Исмаилов, Искендер Махмудов, Искендер Халилов. В этот список входил и Мастан Гасанов, занимавший восемьдесят девятое место с капиталом в шестьсот с лишним миллионов долларов. Было известно, что свое состояние он сделал на торговле и в строительном бизнесе. Дронго лично знал почти всех представленных в этих списках олигархов. Некоторые были ему даже интересны парадоксальностью своих суждений или замечаний. Но с Мастаном Гасановым он никогда раньше не пересекался. И вот теперь этот влиятельный, известный человек решил срочно обратиться к нему.

– Это тот самый тип, о котором я думаю? – уточнил Дронго.

– Именно тот самый. Только он мог узнать номера твоих телефонов и через Баку, и через Рим. Между прочим, говорят, что у него есть своя вилла в Италии. Возможно, вы даже соседи.

– Я думаю, что у него вилла на Сардинии, – пробормотал Дронго, – вряд ли он захочет поселиться рядом со мной. Что ему нужно?

– Ему нужен ты, и очень срочно.

– Ты знаешь, что олигархи вызывают у меня смешанные чувства. Из всей этой компании я готов симпатизировать только Ходорковскому. И не потому, что он сидит, а по собственной мальчишеской готовности прийти на помощь слабому. Когда все грехи сваливают на одного человека, заставляя его отдуваться за остальных, это не совсем честно.

– У тебя опасные политические взгляды, – усмехнулся Вейдеманис, – и учти, если нас сейчас прослушивают, то я сразу скажу о твоей неудачной шутке и своем категорическом несогласии с твоим мнением.

– Очень смешно. Что дальше?

– Ты хочешь с ним встретиться?

– Каким образом? Ты же сказал, что его нет в Москве?

– Дорогой мой эксперт. Вам отказывает ваша гениальная интуиция. Гасанов может приехать за вами свой самолет или оплатить вам дорогу в оба конца. Для него это не проблема.

– Зато для меня проблема. Не люблю много летать. Что ему нужно?

– Этого мне не сообщали. Мне звонил один из его помощников и просил как можно быстрее найти тебя для беседы с господином Гасановым.

– Ты считаешь, что я должен с ним встретиться?

– Если они разыскивают тебя по всем возможным каналам и у них к тебе такое срочное дело, то думаю, что будет правильно, если ты сам перезвонишь ему. В конце концов, это твоя работа – помогать нуждающимся в помощи и защищать слабых, – немного демагогически воскликнул Вейдеманис.

– Гасанова можно считать слабым человеком? – иронично уточнил Дронго.

– Нуждающимся в твоей помощи, – поправился Эдгар.

– Ты знаешь, в кого ты превращаешься?

– Прекрасно знаю. В циничного, жадного и бессовестного агента, который любым путем хочет уговорить своего патрона взяться за расследование громкого дела олигарха, чтобы и ему перепали проценты с этого расследования. Все правильно?

– Иди к черту. Я не об этом. У тебя после сорока прорезалось непонятное чувство юмора. Раньше ты был суровым латышским парнем, не признающим никаких шуток.

– С кем поведешься, – радостно напомнил Эдгар, – разве можно быть серьезным, разговаривая с таким человеком, как ты. И еще работая столько лет под твоим непосредственным руководством. Если начальник умный, становишься жизнерадостным оптимистом, если идиот, становишься унылым пессимистом. Ты у нас гений, доказавший, что все в этой жизни относительно. Значит, я – абсолютный рационалист. Жизнелюбивый прагматик. Так будет более правильно.

– Согласен, – улыбнулся Дронго, – вот поэтому я сейчас продиктую тебе номер его телефона, и ты ему сам перезвонишь. Пусть он сразу почувствует, что со мной нельзя так разговаривать. Для начала это будет полезно. Если я ему действительно нужен, он все поймет правильно. Если обидится, значит, он человек недостаточно разумный и с ним лучше не иметь никаких дел.

– Давай номер телефона, – согласился Вейдеманис, – но учти, что, если он на тебя обидится, у тебя появится еще один очень могущественный враг, а мы потеряем нужного клиента.

Дронго продиктовал номер телефона. Затем ехидно добавил:

– Я понял, в кого ты превращаешься. В мелкого сутенера. Потом перезвони мне, – он положил трубку и улыбнулся.

Вейдеманис перезвонил ровно через минуту.

– Могу тебя обрадовать. Он послал меня к черту.

– Так сразу и сказал?

– Нет. Спросил, кто с ним говорит. Я представился. Он помолчал. Секунды две, не больше. Потом уточнил, кто я такой. Я сообщил, что твой помощник. Он сразу ответил, что не разговаривает с помощниками, а ждет твоего звонка. Лично твоего. Если в течение часа ты ему не позвонишь, он будет считать, что ты не хочешь иметь с ним никаких дел. Так и сказал. А потом отключился, даже не захотел меня слушать. Серьезный мужчина. Когда у человека столько денег, он хочет иметь все самое лучшее. А ты у нас самый лучший эксперт на постсоветском пространстве.

– Я ему сейчас перезвоню, – решил Дронго. – Интересно, что ему понадобилось?

– Скажи, что у тебя есть «подруга», – тут же напомнил Вейдеманис, – и мы всегда работаем в паре.

– Я тебе перезвоню.

Дронго набрал номер мобильного телефона Мастана Гасанова. И почти сразу услышал глуховатый голос олигарха.

– Здравствуйте, – начал Дронго, – вы просили меня перезвонить вам.

– Здравствуйте. Как мне лучше к вам обращаться?

– Меня обычно называют Дронго.

– Да, мне об этом говорили. Я сейчас в Швейцарии и поэтому дал вам номер своего мобильного. Вы, очевидно, уже знаете, как меня зовут.

– Хотя вы и не представились, когда позвонили, – напомнил Дронго.

– Да, точно. Но я не хотел разговаривать на такие темы по телефону. У меня к вам очень важное дело. Когда вы сможете встретиться со мной?

– Если бы вы задали мне подобный вопрос, находясь в Москве, то я бы ответил: прямо сегодня. Но сейчас это невозможно.

– Да, к сожалению. У вас есть шенгенская виза?

– Да. Мультивиза на три года.

– Прекрасно. Тогда вообще нет никаких проблем.

– Что вы имеете в виду?

– Мы можем встретиться завтра днем. Я закажу вам билет бизнес-класса на утренний рейс в Цюрих. Вы сможете прилететь?

– Неужели это так срочно?

– Абсолютно срочно и важно. Все ваши расходы будут оплачены. Если даже мы не сможем договориться, то я готов выплатить неустойку за ваше потраченное время. Но я уверен, что мы сможем договориться.

– Ясно. Меня будут встречать в аэропорту?

– Конечно. Мне сказали, что вас нетрудно узнать. Вы очень высокого роста и больше похожи на знаменитого боксера, чем на известного эксперта.

– Это я притворяюсь, – сказал Дронго.

– В любом случае вас узнают. К вам подойдет человек, который назовет пароль. Скажем, он назовет фильм, который вы наверняка видели: «Место встречи изменить нельзя». Помните, был такой хороший сериал с Высоцким? И название подходящее.

– Хорошо, – недовольно согласился Дронго, – и учтите, что я иду на очень большой компромисс. В Европу я обычно езжу на поездах.

– У нас мало времени, – признался Мастан Гасанов, – я буду ждать вас завтра днем. Не опоздайте на самолет. Если хотите, я пришлю за вами машину и в Москве.

– Не нужно, у меня есть своя.

– До свидания. Я буду вас ждать.

– До свидания.

Он положил трубку. Интересно, что нужно этому типу? И почему такая срочность? Завтра он все узнает. А теперь нужно позвонить Вейдеманису и все рассказать ему. Мастану Гасанову совсем необязательно знать, что завтра в этом самолете с ним полетит и Эдгар, который будет незаметно следить за своим другом. И подстраховывать его в случае необходимости.

Глава вторая

Почти все места в самолете были заняты. Сказывались летние отпуска. Дронго всегда брал место у прохода, чтобы не усаживаться у окна, откуда можно было наблюдать за взлетом и посадкой, это его совсем не радовало. Кроме того, находясь на месте в проходе, можно было не чувствовать себя в своеобразной ловушке, прижатым своим соседом, даже если место было в салоне первого класса и кресла стояли на некотором расстоянии друг от друга.

Рейс двести шестьдесят пятый компании «Аэрофлот» вылетал из Москвы в восемь часов тридцать пять минут по местному времени. В салоне экономкласса уже находился Эдгар Вейдеманис, купивший вчера электронный билет через Интернет. В его задачу входили подстраховка своего напарника и по возможности наблюдение за пассажирами, особенно теми, кто проявил бы интерес к личности Дронго. Такой способ двойного контроля был самым эффективным, они в этом много раз убеждались.

Как только самолет набрал высоту, Дронго попросил рюмку коньяка и, выпив, закрыл глаза, пытаясь проанализировать уже известные ему факты. Судя по всему, Мастан Гасанов не хотел встречаться с экспертом в Москве. Либо он вообще не хочет возвращаться, либо чего-то опасается. Никаких конкретных сведений о возможных проверках на предприятиях Гасанова Дронго в Интернете не нашел. Никаких сообщений, никаких журналистских расследований. Тогда к чему такая спешка и такой не совсем обычный способ встречи?

Из официального сайта Мастана Гасанова можно было узнать, что ему пятьдесят два года. Он женат и живет со своей супругой Тамиллой уже двадцать девять лет. Его сыну Бахрузу – двадцать восемь, дочери Айгюн – двадцать два года. Сын занимается бизнесом в структурах своего отца, дочь заканчивает учебу в Швейцарии. Возможно, столь срочный вызов каким-то образом связан с его дочерью. Тогда понятно, почему он сидит в Цюрихе и хочет так срочно встретиться с экспертом. Что может быть с дочерью? Какие-нибудь серьезные проблемы? Может, ее украли и теперь требуют выкуп? В Швейцарии давно не совершалось подобных преступлений. И как может эксперт из Баку, живущий в Москве, помочь найти преступников в Швейцарии? Или это не местные разборки? На сайте Гасанова ничего не было сказано о его судимости, но Дронго сумел выяснить через бакинских знакомых, что в середине восьмидесятых Гасанов был осужден по статьям «валютные преступления» и «незаконное предпринимательство». Тогда он получил пять лет, но вышел на свободу уже через два с половиной года. После чего сразу переехал в Москву, где и начинал разворачивать свой бизнес уже в конце восьмидесятых.

Сначала это была обычная торговля, на рынки Москвы поставлялись цветы и овощи с юга. Затем он начал участвовать в строительном бизнесе. Уже в девяностые годы Гасанов выходит на один известный московский банк, вместе с которым начинает масштабное строительство в Москве. Очевидно, он обладает необходимыми навыками и своеобразным чутьем, так как выходит из этого бизнеса за несколько месяцев до того, как у банка и его основателей начинаются серьезные разборки с властями. Гасанов умудряется вложить деньги в строящиеся объекты, которые патронировала московская мэрия, и снова оказывается в выигрыше. К началу века он уже один из мультимиллионеров. Но этого мало. На нефтяном буме первых лет нового века он начинает строительство высотных зданий, которые приносят колоссальные прибыли. При цене нефти в сто пятьдесят долларов за баррель Мастан Гасанов становится миллиардером. Кризис больно ударит по его планам и замыслам. Цена барреля нефти упадет почти в пять раз, а цена акций его компании упадет втрое и от прежних его миллиардов останется около трети, то есть не больше шестисот миллионов долларов.

Эти сведения были размещены в Интернете и на сайтах Гасанова. Дронго позвонил еще одному своему помощнику – Леониду Кружкову, который обычно консультировал его в подобных вопросах. Дронго попросил его просмотреть молодежные сайты, чтобы уточнить пред-

почтения и увлечения молодых отпрысков Мастана Гасанова. Особенно его дочери, которая наверняка отмечалась в фейс-буке и выходила на различные молодежные сайты. Там наверняка можно было найти ее фотографии с родителями и друзьями. Молодые люди все более и более охотно выставляли свои фотографии в электронной сети, рассказывая о своей личной жизни всему миру.

Сидевший рядом с Дронго мужчина лет шестидесяти включил свой ноутбук и начал мрачно редактировать какой-то текст. От завтрака он отказался, попросив принести ему только кофе без молока. Очевидно, это был немец, так как время от времени что-то недовольно бормотал себе под нос по-немецки. Дронго поднялся и прошел в туалет. Самолет словно ждал, когда он поднимется. Лайнер сразу затрясло, и на табло появилась надпись, чтобы он вернулся обратно на место.

«Только этого не хватало», – раздраженно подумал Дронго и все же закрыл за собой дверь кабины. Умывшись, он вышел из туалета.

– Идите на свое место, – попросила стюрдесса, – и, пожалуйста, пристегнитесь. Мы попали в зону турбулентности.

– Уже почувствовал, – недовольно ответил он, направляясь к своему креслу, – опять синоптики все перепутали. Говорили, что в Европе обширный антициклон, а мы попали в такую болтанку.

– Это в Европе, – возразила стюардесса, – а мы сейчас летим над Украиной.

– Ну да, конечно, – усмехнулся он, – здесь не совсем Европа.

Стюардесса, не поняв его сарказма, прошла дальше. Он уселся на свое место, посмотрел на соседа. Тот продолжал работать, словно турбулентность на него не действовала. Атавистический страх человека на большой высоте можно приглушить, подумал Дронго. Ведь летчики и стюардессы частенько попадают в такие переделки. И необязательно, чтобы все пассажиры страдали аэрофобией. Не говоря уже о космонавтах. Конечно, профессиональный риск всегда существует, но, когда думаешь о людях, работающих в открытом космосе, поневоле становится страшно. А ведь среди них есть и женщины. Наверно, у каждого свои страхи и свои способы преодоления подобных страхов, подумал Дронго. Самолет еще раз сильно встряхнуло. Даже его сосед наконец поднял голову и посмотрел в иллюминатор.

«Обратно поезду поездом», – зло подумал Дронго. Словно услышав его, самолет наконец вышел из зоны турбулентности, и через минуту табло погасло. Дальше они летели уже без приключений. В десять часов утра по местному времени они наконец приземлились в аэропорту Цюриха.

После присоединения Швейцарии к Шенгенской зоне количество пограничных постов в международных аэропортах было удвоено. Пограничник просмотрел его паспорт, увидел многозоровую визу и, ничего не спрашивая, сделал отметку о прибытии и протянул паспорт назад. Дронго поблагодарил его, забирая документы. Он оглянулся. Вейдеманис стоял в нескольких шагах от него, собираясь проходить пограничный контроль.

Теперь нужно было получить свой багаж и выйти из таможенной зоны аэропорта. Дронго спустился в терминал, где уже начали работать движущиеся транспортеры, вывозящие багаж пассажиров его рейса. Он дождался, пока в зале появится Эдгар, забрал свою сумку и неторопливо пошел к выходу. Вейдеманис, подхватив с ленты свою сумку, также не очень спеша, двинулся следом.

Выйдя из терминала, Дронго огляделся. По логике сейчас к нему должен был подойти посланец Гасанова. Несколько человек неподалеку стояли с плакатами, на которых были написаны различные фамилии. Его фамилии нигде не было. Он сделал несколько шагов к выходу, когда услышал за спиной чей-то быстрый шепот.

– Вы – господин Дронго?

Он обернулся. Перед ним стоял человек, доходивший ему до пояса. С непропорционально большой головой, густыми темными бровями и маленькими, почти кукольными чертами лица. Ему было не больше сорока лет. Он протянул свою короткую руку.

– Мы рады вас приветствовать, – сказал незнакомец, – я – Руфат Асадов, помощник господина Гасанова. Давайте вашу сумку, сейчас подъедет наша машина.

– Очень приятно, – Дронго пожал маленькую ладошку, – насколько я помню, вы должны еще назвать пароль, – он улыбнулся.

– Правильно, – закивал Асадов, – я должен сказать вам про фильм «Место встречи изменить нельзя».

– Нам далеко ехать?

– Не очень далеко. Отсюда – минут тридцать. Вдоль озера, на юго-восток.

– Сначала я должен предупредить семью, что добрался благополучно, – Дронго достал из кармана мобильный телефон.

Конечно, он набрал номер Эдгара Вейдеманиса, стоявшего метрах в двадцати от них.

– Я уже прилетел в Цюрих и меня встречают, – сообщил он.

– Вы едете не в город? – понял Эдгар. У них было условлено, что если Дронго назовет город, то это будет означать, что он куда-то уедет.

– Да, я летел хорошо, – сказал Дронго, – первый час нас немного трясло, а потом все было нормально.

– Тридцать минут от аэропорта, – понял Вейдеманис. Они договаривались, что расстояние будет сообщено по формуле «плюс тридцать».

– У вас все нормально? – уточнил Дронго, спрашивая этим – не было ли за ним персонального наблюдения.

– Кажется, да. Хотя один мужчина, который летел с нами из Москвы, проявляет к вашей встрече непонятный интерес. Он стоит и смотрит на вас. Поверни голову и посмотри, рядом со стойкой туристического агентства. Видишь его?

– Да, теперь все хорошо, – ответил Дронго глядя на незнакомца. Тот явно нервничал, все время поглядывая в их сторону.

– Я прослежу, куда он поедет, – сообщил Эдгар.

– До свидания. Я буду вам звонить, – закончил разговор Дронго.

Руфат Асадов терпеливо ждал, когда он закончит разговор. Они вышли из здания, Руфат уже успел кому-то позвонить. Они прождали недолго, минуты полторы, когда рядом с ними мягко затормозил большой представительский «БМВ» черного цвета. Водитель вышел из салона автомобиля, забрал сумку и открыл им двери. В салоне было просторно и прохладно. Асадов, усевшись рядом, сразу предложил шампанское или коньяк, находившиеся в баре.

– Спасибо. Только минеральную воду, – попросил Дронго.

Руфат кивнул, доставая бутылку минеральной воды и небольшой бокал. В салоне играла негромкая музыка.

– Вы знаете, зачем меня вызвали так срочно? – спросил Дронго.

– Шеф сам расскажет вам обо всем, – уклонился от ответа Асадов.

– Куда мы едем? В гостиницу или в частный дом?

– Это личное владение нашего хозяина, – пояснил Асадов, – у него небольшое поместье рядом с Кюснахтом. Небольшой город на юго-востоке от Цюриха. Там очень красивые места.

– Не сомневаюсь.

– Вы первый раз в Швейцарии?

– Нет, не первый. А он давно приобрел это поместье?

– Несколько лет назад. Дочь Мастана Халиловича учится в Швейцарии, и он решил, что будет правильно, если он приобретет небольшое поместье рядом с Цюрихом.

– Насколько я слышал, у вашего босса есть еще и недвижимость в Италии?

– Правильно, – гордо кивнул Асадов. Он явно испытывал гордость за финансовое благополучие своего хозяина.

– У нас есть вилла в Лигурии, – помолчав, сообщил Руфат. Он так и сказал «у нас», словно не отделяя себя от своего шефа, – и большой участок в Кубе. Почти два гектара. Нам тогда удалось получить разрешение на приобретение этой земли. Вы бы видели, какой дом там построил Мастан Халилович!

Куба был одним из районов Северного Азербайджана, который славился своими красивыми местами.

– Посмотрю, если пригласите, – сказал Дронго, – вы давно уже в Швейцарии? Я имею в виду ваш нынешний приезд?

– Несколько дней. И все время пытаемся найти вас, господин Дронго. Если бы вы знали, сколько телефонных звонков я сделал в Баку и в Москву, пока мы на вас вышли! – любезно сообщил Асадов.

Машина, набирая скорость, неслась вдоль озера. Раздался телефонный звонок. Дронго достал аппарат.

– Этот незнакомец остался в аэропорту, – сообщил Эдгар, – он кого-то ждет с рейса, но тот пока не вышел. Возможно, у него проблемы либо с пограничниками, либо с таможенниками. Я останусь здесь и все проверю.

– Хорошо, – Дронго убрал телефон.

Автомобиль свернул на Кюснахт. Этот небольшой городок насчитывал всего тридцать тысяч жителей. Через некоторое время машина остановилась рядом с красивым кирпичным двухэтажным строением. Ограды вокруг дома не было. Она была лишь условно обозначена невысокими кустами зелени. Асадов буквально выбежал из салона автомобиля, оглядев машину, чтобы встретить гостя. Затем вместе с Дронго они прошли к дому. Руфат позвонил, и дверь им открыла миловидная женщина, очевидно, из местных. Она поприветствовала их на немецком языке и провела в небольшую гостиную. Дронго уселся в кресло. Асадов встал у окна, не решаясь сесть во второе кресло, очевидно, предназначенное для хозяина дома.

Дверь открылась, и в гостиную вошел Мастан Гасанов. Выше среднего роста, уже начинающий седеть, с запоминающимся несколько вытянутым лицом. Крупные черты лица, внимательный, строгий взгляд, карие глаза, небольшой шрам на подбородке. Он был в серых брюках и черной рубашке без галстука. Рукопожатие его было крепким. Они внимательно посмотрели друг на друга, словно спрашивая, можно ли доверять своему собеседнику. Затем Гасанов предложил гостю садиться и посмотрел на своего помощника. Тот все понял без слов, быстро вышел из комнаты и закрыл за собой двери.

– Спасибо, что приняли мое предложение, – поблагодарил Мастан Халилович, – я искал вас уже несколько дней.

– Об этом мне уже сообщил ваш помощник. И мой тоже рассказал мне о ваших поисках в Москве.

– Все верно. Я много о вас слышал. Говорят, что вы лучший эксперт по проблемам преступности. Именно такой человек мне и нужен.

Дронго слушал не перебивая.

– Будете что-нибудь пить? – неожиданно спросил Гасанов, словно не решаясь начать разговор.

– Нет, спасибо. Давайте лучше сразу к делу.

– Да, конечно. Дело в том, что меня хотят убить, – криво усмехнулся Мастан Халилович, – и, судя по всему, готовы прибегнуть к самым изощренным способам, чтобы отправить меня на тот свет.

– Вам угрожали?

– Хуже. Меня уже пытались убить. Собственно, именно поэтому я прилетел сюда, в этот дом, который когда-то купил для своей дочери. Сейчас в нем никого нет. Кухарка, которая открыла вам дверь, живет в соседнем доме. Там же живет и наш водитель, ее супруг. Больше в доме никого нет. Только я и мой помощник, который живет в цюрихском отеле и не остается в этом доме.

– Давайте по порядку. Кто и когда пытался вас убить?

– В Москве. Неделю назад. Убийство было продумано с такой изощренной выдумкой, что я впервые в жизни испугался. И решил больше не искушать судьбу. Поэтому сразу же взял билет и, не сказав никому ни слова, прилетел сюда. Но при желании меня можно найти и здесь. Я даже не стал приглашать частных охранников, ведь люди, которые хотели меня убить, могут перекупить любого из них.

– Расскажите о попытке убийства, – попросил Дронго.

– Да, конечно. Дело в том, что у меня в московском доме жила любимая овчарка, которую я привез из Италии. У нее была такая милая мордашка, что я назвал ее Марчелло, по имени великого итальянского актера. Знаете, я ведь в молодости поступил в институт искусств, мечтал быть режиссером. Но все получилось так глупо и нелепо. Хотя об этом позже. Мой Марчелло всегда был рядом со мной. Так вот. Ровно неделю назад к нам домой поступила очередная партия белья. Мы обычно не сдаем белье в химчистку, у нас есть своя женщина, которая отвечает за стирку белья. Она работала у нас уже много лет. Ей отвозят белье, и она его не только стирает, но и великолепно гладит. Хотя и платили мы ей очень прилично. Белье пришло домой, и наша горничная перестирала нам новые комплекты. Должен сказать, что у каждого из нас свое личное белье. И в моей спальне всегда кремового цвета. Я не могу спать на белом или голубом белье, у меня неприятные ассоциации, связанные с прошлым. Горничная перестирала кровать и ушла домой.

Я должен сообщить вам, что у нас с женой разные спальни. Уже много лет. У нее своя комната, у меня своя. Так удобно для нас обоих. И мой Марчелло никогда в жизни не залезал в мою кровать. Он привык спать на коврике, рядом с кроватью. А в тот вечер он словно взбесился.

Сначала все время лаял, а затем ворвался в мою спальню и залез на кровать, сбросив одеяло на пол. Он буквально валялся в моей кровати, не позволяя никому подходить, пока я сам не увел его. Вся простыня и наволочка были в его шерсти. Я попросил сменить белье, но выяснилось, что наша горничная не может прийти, так как ее увезли в больницу. Врачи считали, что у нее сильное отравление из-за грибов, которых она якобы поела. Потом решили, что эта такая неизвестная форма аллергии. Но все эти предположения закончились трагически.

Примерно через сорок минут после того, как Марчелло залез ко мне в кровать, он умер. Покрылся какой-то непонятной сыпью и умер у меня на руках. Он лизал мою подушку, и, наверно, в него попало слишком много яда. Вы уже догадались, что именно произошло. Мое белье было пропитано неизвестным ядом. Если бы я лег в эту постель, то утром я был бы уже мертв. Или тяжело болен. Возможно, все решили бы, что у меня обычный инфаркт, произошедший во сне. Такое иногда встречается у людей моего возраста, тем более у меня были проблемы с сердцем.

Я не сразу вызвал милицию. Сначала хотел все проверить. Но Марчелло умер, а наша горничная была в больнице. Примерно в полночь я позвонил в милицию. Они не сразу приехали, вы понимаете, что смерть собаки их особо не волновала. Нужно было видеть, с какими недовольными лицами они выслушали мой рассказ. Тогда я выставил их вон, заявив, что это был ложный вызов, и собака умерла из-за того, что случайно отравилась средством против крыс. Они, по-моему, мне поверили. Или сделали вид, что поверили. Им так не хотелось оформлять мой вызов и заводить уголовное дело из-за смерти собаки. Посмотрите, я держу его фотогра-

фию в своем бумажнике, – он достал из кармана бумажник и показал фотографию погибшей собаки.

На Дронго смотрел симпатичный пес, снятый рядом с хозяином. Он вернул фотографию хозяину. Тот снова положил ее в бумажник и продолжил:

– Всю ночь я просидел рядом с трупом Марчелло. А утром нашел знакомого химика из института неорганической химии. Через день я уже знал, что все мое постельное белье было пропитано ядом такой концентрации, которая не оставляла мне ни единого шанса на выживание. К счастью, наша горничная пошла на поправку. В отличие от Марчелло она получила очень небольшую дозу яда, ведь она только трогала белье, а закончив работу, помыла руки, что ее и спасло. Она торопилась, что в итоге спасло ей жизнь.

В ту ночь я так и не заснул. В городской квартире, кроме меня, никого не было. Я переехал на дачу, ничего не трогая. А потом специалисты из института химии проверили все наше белье. Можете себе представить, что только мое постельное белье было пропитано этим ядом. Остальное было чистым, если не считать оставшихся следов от моего белья, тоже опасных, но несмертельных.

– Вы говорили с женщиной, которая стирала ваше белье? – спросил Дронго.

– Пытался, – вздохнул Гасанов, – но на следующее утро я не смог ей дозвониться. Потом было не до этого. А вечером следующего дня позвонил ее супруг, который сообщил мне, что она умерла. Ее сбила машина, когда она переходила улицу. Машину так и не нашли. Вот тогда я понял, что мне нужно срочно бежать из Москвы. Я в такие совпадения не верю. Сначала отравленное белье, затем неожиданная смерть нашей прачки. Гибель Марчелло, отравление горничной, все было против меня. Я взял билет и срочно улетел. А потом начал размышлять и неожиданно понял, что на самом деле я нахожусь в гораздо худшем положении, чем можно предположить. И поэтому я решил найти вас.

– Почему, – спросил Дронго, – почему в гораздо худшем положении?

– Постельное белье, – выдохнул Мастан Халилович, – чужой человек не мог знать, какое именно белье стелят в моей спальне. Значит, это был кто-то из самых близких мне людей. Кто-то из тех, кто мог знать, какое белье стелят в моей спальне. И вот тогда я действительно испугался. Очень испугался, господин эксперт. Теперь вы знаете, почему вы понадобились мне так срочно.

Глава третья

Он выжидательно смотрел на Дронго, но его гость молчал. Молчание длилось долго, почти минуту.

– Вы не хотите ничего у меня спросить? – наконец не выдержал Мастан Халилович.

– Я размышляю над вашими словами, – ответил Дронго, – и, судя по всему, вы правы. На такое преступление мог пойти только человек, хорошо знающий обстановку в вашей квартире. У меня к вам сразу первый вопрос. Когда собака залезла в вашу кровать, кто еще был у вас дома?

– А почему вы решили, что кто-то был у нас дома?

– Вы сами сказали, что никто не мог справиться с вашей собакой.

– Да, верно. В этот момент в моей городской квартире были мой водитель и наша кухарка.

Потом приехал мой помощник.

– Тот самый помощник, который встречал меня в аэропорту?

– Да, он. Я ему доверяю, он мой дальний родственник. Сын моей двоюродной сестры. Но дело даже не в этом. Его очень не любят все мои родственники. Жена, сын, дочь. Даже мой адвокат. И Руфат знает, что в случае моей смерти, его могут просто выставить за дверь. Он человек, которому моя смерть очень невыгодна. Уже не говоря о том, что он получает у меня весьма приличную зарплату.

– Его тоже могли перекупить, – заметил Дронго.

– Я об этом тоже подумал. Но мне просто необходимо кому-то доверять. Один я бы не справился.

– Теперь давайте по порядку. Кто еще мог знать о вашем постельном белье? Кто бывал в вашей спальне? Ведь, насколько я понял, там было много разного белья? Верно?

– Да, верно. Я даже составил список, кто мог точно знать, какое белье стелят мне в моей спальне на мою кровать. Список достаточно неприятный. Там очень близкие мне люди.

– Вы можете мне его показать?

– Конечно, – Мастан Халилович достал из кармана рубашки список. Но не протянул его Дронго, а начал читать, – мой помощник Руфат Асадов, который был в курсе всего случившегося. Моя кухарка – Дарья Марчук. Ей уже под шестьдесят. Наша прачка Нина Алексеевна Ишеева, которая так нелепо погибла. Горничная, которая работала в доме. Сейчас она в больнице, но говорят, что ее скоро выпишут. Она татарка – Сария Юлдашева. Мой личный водитель – Сергей Усков. Вот и все.

– Это весь ваш список? – переспросил Дронго.

– Не весь, – глухо ответил Гасанов, – я ведь не идиот и понимаю, что вы потребуете включить в список всех, кто мог входить в мою комнату или знать о моем постельном белье. В этот список я не включил членов своей семьи – жену, сына, дочь и моего младшего брата. Для меня это звучит абсолютно дико. Чтобы они хотели моей смерти... Это невозможно!

– Больше в списке никого нет?

– Никого, – он ответил с некоторой заминкой.

Дронго нахмурился.

– Давайте сразу договоримся, что вы не будете ничего от меня скрывать, – предложил он, – кто еще мог видеть в вашей спальне вашу кровать? Только откровенно.

– Два месяца назад там была одна моя знакомая, – недовольно сообщил Мастан Халилович, – но я бы не хотел, чтобы ее имя когда-либо фигурировало в этом списке.

– Кто она?

– Моя знакомая. Близкая знакомая.

– Вы не обидетесь, если я спрошу, насколько близко?

– Настолько, насколько возможно. Мы иногда встречались. Так получилось. Нужно было каким-то образом спрятать ее на время, и мы встретились у меня. Муж организовал за ней слежку. Хотя я считаю это непозволительной глупостью. Но все сложилось именно таким образом.

– И вы приняли ее в своей городской квартире?

– Да. Это было ошибкой. Больше я так никогда не делал.

– Других женщин вы там принимали?

– Не нужно меня оскорблять, – встrepенулся Гасанов, – я не встречаюсь с обычными проститутками у себя дома.

– А вообще встречаетесь? Поверьте, что я задаю вопрос не из праздного любопытства.

– Возможно. Иногда встречаюсь. В отелях или в других местах. Не понимаю, почему вы задаете мне подобные вопросы и какое отношение они имеют к моему делу?

– Самое непосредственное. Но я потом вам объясню. Итак, ваш список мне понятен. Теперь мне интересно – кому именно могла быть выгодна ваша смерть?

– Никому, – сразу заявил Мастан Халилович, – из этого списка абсолютно никому. Они все нуждаются во мне, всем я очень нужен. Поверьте мне, что я много об этом думал.

– Не сомневаюсь. Но очевидно, что ваше постельное белье было пропитано ядом специально. Что вы потом с ним сделали?

– Отправил на экспертизу. А когда мне его вернули, я его сжег. Боялся, что кто-то к нему прикоснется. Слишком большая концентрация яда.

– Понятно. Можно я спрошу у вас, почему вы так избирательны? Чем вам не нравится белье другого цвета?

– Вы наверняка уже знаете мою биографию, – криво усмехнулся Мастан Халилович, – я ведь сидел в тюрьме больше года, пока шло следствие, и почти два года в колонии усиленного режима. В тюрьме белье было синего цвета, а в колонии белое. С тех пор я не терплю эти цвета.

– Понятно. Все почти по Фрейду. Вы хотите еще что-нибудь сообщить мне?

– Да. Самое важное, – Гасанов нахмурился, словно ему было сложно об этом говорить. Затем неожиданно поднялся, подошел к двери, словно проверяя, нет ли никого за ней. И снова вернулся в свое кресло.

– Дело даже не в том, кто именно мог подсказать, какое белье в моей спальне, – глухо сообщил он, – дело даже не в этом. Мне кажется, что я знаю, кто может стоять за этой попыткой убийства. Понимаете, в чем дело? Все, кого я назвал, – это либо мои близкие родственники, либо зависящие от меня люди. Зачем им хотеть моей смерти? Но есть один человек, который абсолютно точно хочет моей смерти и готов на все ради этого. И этот человек вышел на свободу три месяца назад.

– Поэтому вы меня пригласили?

– Вот именно. Дело в том, что в моей биографии был и такой факт, когда меня осудили на пять лет. Тогда большую часть вины взял на себя Узун Фарух, так его называли друзья. Это был известный «цеховик» в Баку – Фарух Ризаев. Ему дали двенадцать лет, а мне только пять. Да и то я отсидел примерно половину. Одиннадцать месяцев в тюрьме и девятнадцать месяцев в колонии. И каждый день был для меня целым годом. Потом меня освободили. А Фарух остался в тюрьме. Он вышел на свободу только в девяностом втором, уже после распада Советского Союза, отсидев девять лет в колонии. Там его и «короновали». Он вышел уже «вором в законе». Вы помните, какие события тогда происходили в Баку. Смена власти, перевороты, война в Карабахе. С марта девяносто второго по июнь девяносто третьего сменилось пять руководителей республики. Фарух тогда даже сколотил на свои деньги вооруженный отряд, который якобы должен был защищать население, а на самом деле занимался поборами с бизнесменов. Но так тогда делали многие.

Мне повезло, я уехал тогда в Москву и уже жил там несколько лет. Один раз Фарух при- слал ко мне своего «гонца», но я послал его подальше. В девяносто третьем положение стало меняться. К власти в республике пришел Гейдар Алиев. Любой умный человек тогда понимал, что мафия в Азербайджане просто обречена. Против Алиева никто не мог выстоять. Он дал «ворам в законе» месяц на то, чтобы покинуть Азербайджан. Как в известной поговорке «Кто не спрятался, я не виноват». Понятливые сразу уехали, остальных уничтожили в течение двух лет. Всех до единого. Фарух был человеком умным. Он переехал в Белоруссию. Тогда каза- лось, что ему удастся там закрепиться. Но там тоже начались совсем иные процессы. К власти пришел Лукашенко. Это сейчас в России модно над ним смеяться, а ведь тогда он тоже очень быстро навел порядок в республике, особенно на транспортных артериях. По шоссе и дорогам невозможно было проехать – повсюду орудовали банды грабителей, на железной дороге дей- ствовали свои преступные группировки в тесной корпорации с милицией, таможней и путе- выми работниками. В течение нескольких лет все банды были обезврежены. А самого Узуна Фаруха арестовали в девяносто восьмом. Он получил четырнадцать лет, просто не смогли дока- зать все факты его руководства бандой. Примерно через год он снова прислал ко мне своего «гонца». И снова я решительно отказался помогать ему или вообще слышать о нем что-либо.

Он отсидел ровно одиннадцать лет. В Белоруссии не любят бандитов и не очень с ними церемонятся. Через одиннадцать лет его выпустили. Представляю, в каком он сейчас состоя- нии! Он и тогда был старше меня на десять лет. Сейчас ему уже за шестьдесят. Он вышел на свободу в конце прошлого года и почти сразу попытался связаться со мной. Но вы помните, какое тогда было время. Экономический кризис, у всех свои проблемы, мы теряли ежедневно миллионы долларов на падении всех индексов. Мне было не до Узуна Фаруха. Поэтому я про- сто отказался даже разговаривать с ним. Когда у человека много денег, у него появляется лож- ное чувство собственной безопасности. Кажется, что ты можешь решить любые проблемы с помощью своих бумажек. Но это только иллюзия власти. Так я отказал ему в третий раз. И он это запомнил. Я почти убежден, что мое убийство было организовано именно Фарухом. Обра- тите внимание, с какой оперативностью и жестокостью была убита наша несчастная прачка. Я думаю, что она даже не знала, как именно ее используют. А может, знала и дала согласие, и именно поэтому ее потом убрали как ненужного свидетеля.

– В таком случае это сделал не ваш бывший друг, – сразу вставил Дронго.

– Почему вы так думаете?

– Зачем ему убирать вашу прачку, если он ее подкупил? Он не должен опасаться подоб- ных вещей. Наоборот, его должно было позабавить ее признание. Убрать вашу прачку нужно какому-то другому организатору, который не хочет, чтобы вы знали о его участии в этом пре- ступлении.

– У вас интересное мышление, – одобрительно кивнул Мастан Халилович, – я о подоб- ном раскладе даже не думал. Но в любом случае я настаиваю, что Фарух мог быть одним из организаторов этой акции. В той или иной форме. Возможно, сумел найти Иуду среди моих близких людей.

– Где он сейчас?

– Откуда я знаю. Был в Минске, сейчас, наверно, где-то в другом месте. Может, вернулся в Баку. Может, обосновался в Москве. Может, он живет рядом с нами, где-то в Германии или в Чехии. Или вообще поселился в Цюрихе. Сейчас это не такая большая проблема, даже для «вора в законе».

– С вами никто не связывался, и вам никто не угрожал?

– Нет, никто. Все как всегда. Если не считать моей отравленной собаки и заболевшей горничной, которая уже скоро выписывается. И еще погибшая прачка. Возможно, это был слу- чайный наезд, но я в такие случайности не верю. Меня пытались убить, и кто-то четко обо-

значил и свой конкретный интерес к моей персоне. К тому же милиция до сих пор не нашла водителя, сбившего прачку, и его машину. Поэтому я и решил обратиться именно к вам.

– Что я могу сделать?

– Узнать, кто именно пытался убить меня. Идеальный вариант вашей работы – если подобных попыток больше не будет. Приемлемый – если вы сообщите мне, кто именно стоял за этим покушением и кто виноват в смерти Ищевой и моей несчастной собаки.

– Ваша прачка знала, какое белье стелят именно вам?

– Возможно, и знала. Но специально ей никто об этом не говорил. Знать могла только наша горничная. Хотя она на самом деле не горничная, а настоящая домохозяйка.

– Теперь понятно, почему вы так настаивали на моем приезде. Бойтесь возвращаться в Москву?

– Нужно быть полным кретином, чтобы ехать туда, где тебя могут убить. Здесь, по крайней мере, у меня есть хоть какие-то шансы. Об этом доме почти никто не знает. К тому же я уеду отсюда уже завтра утром. И никто не будет знать, в каком городе я живу. Никто, даже вы и мой помощник. Это единственная гарантия моего выживания, пока вы не найдете преступника.

– Значит, я должен искать конкретного организатора этого преступления, а не вашего бывшего поделщика?

– Будем считать пока, что это две разные задачи. И вам нужно решать обе. Я готов платить за каждую задачу отдельно. Скажем, по сто тысяч долларов за обе задачи.

Дронго молчал.

– И я оплачиваю все ваши расходы, – торопливо предложил Гасанов, – но я могу выслушать и встречные предложения.

– Вы напрасно думаете, что если я молчу, то вам нужно поднимать цену, – поморщился Дронго, – я молчу именно потому, что размышляю. Ваше дело выглядит довольно загадочно и непонятно. Но дело даже не в этом. Едва познакомившись с вами, я в очередной раз нахожу подтверждение своей теории, что все современные олигархи получили свое состояние не совсем легальным путем. У вас был совместный бизнес с Фарухом?

– Да, – кивнул Гасанов, – но это не имеет к нашим сегодняшним делам никакого отношения.

– Вы сказали, что получили пять лет, а ваш сообщник двенадцать. И он взял бóльшую часть вины на себя. А кто взял бóльшую часть доходов?

– Это не имеет к нашим делам никакого отношения, – повысил голос Мастан Халилович. – Не забывайте, что с тех пор прошло уже больше четверти века. Это было в другое время и в другую эпоху. Не говоря уже о том, что даже деньги того времени уже не действуют.

– Не кричите, – строго оборвал его Дронго, – если вы хотите, чтобы я вам помогал, извольте держать себя в рамках приличия. Не все покупается за деньги, господин Гасанов, даже за очень крупные деньги. Поэтому давайте успокоимся. И подумаем, как нам действовать.

– Значит, вы согласны? – выдохнул Мастан Халилович.

– Если вы будете откровенны со мной и не станете мне указывать, что именно я должен делать. Сразу договоримся, что расследование я провожу самостоятельно и независимо от ваших желаний. Второе условие. Вы будете со мной абсолютно откровенны. И в-третьих – мне понадобится сотрудничество ваших людей в Москве. Если вы согласны, то я могу подумать о том, как именно мне стоит проводить это расследование.

– Согласен, – быстро кивнул Гасанов, – можете просить все, что хотите.

– Вы завтра действительно собираетесь покинуть эти места?

– Обязательно.

– Тогда сделаем так. Сегодня вечером мы вернемся в Москву вместе с вашим помощником. Пусть он поедет со мной и останется со мной на связи. Насколько я понял, ему вы доверяете больше остальных.

– Пожалуйста. Так будет даже удобнее.

– Теперь снова вернемся к Узуну Фаруху. У вас с ним был совместный бизнес?

– Да, – кивнул Гасанов, – дело в том, что я в семьдесят девятом окончил институт искусств. Попал по распределению на киностудию, работал помощником кинорежиссера, потом вторым режиссером. В те времена молодым не очень-то разрешали снимать фильмы. У нас была своеобразная очередь. А я женился сразу после института, когда мне было двадцать три года. Моей супруге тогда было двадцать лет, и она еще училась в педагогическом. На зарплату в девяносто пять рублей и стипендию в сорок прожить было практически невозможно, хотя наши родители нам и помогали. У нас на студии тогда снимали фильм в Прибалтике, и Узун Фарух вышел на меня через моего двоюродного брата. Попросил привезти какие-то майки, какие-то рубашки, которые там выпускали. Мы оформили багаж как кинематографический груз и отправили в Баку. Потом оказалось, что там были не только рубашки. Фарух предложил мне работать с прибалтами, и я согласился. Время было такое... Все воровали и все чего-то ждали. В восемьдесят первом у нас родился Бахруз. Через год умер Брежнев, к власти пришел Андропов, все сразу изменилось, и нашу группу взяли. Всех, кто был связан с Фарухом. Конечно, он был самым главным, но он поступил благородно, взял почти все наши грехи на себя. Все время пытался нас выгораживать, рассказывал, что мы были обычными курьерами и ни о чем не догадывались, когда перевозили его грузы. Хотя я тогда был уже фактически его компаньоном и имел свою небольшую долю в наших совместных делах.

На свободу я вышел уже при Горбачеве. Через год родилась дочка. Я подумал, что нам лучше переехать в Москву. Сначала в Москве было сложно. Мы жили на съемной квартире, дочь пришлось оставить в Баку у бабушки. Начал заниматься цветочным бизнесом, опыт переправки грузов у меня уже был. Поставлял цветы в Москву и в Ленинград. Знаете, кто был моим оптовым покупателем в Ленинграде? В жизни не поверите, если назову его фамилию. Он потом стал самым известным «демократом» в России. Таким либеральным и радикальным.

Потом начали поставлять различные товары, компьютеры, продовольствие. Особенно тяжело пришлось в конце девяностого и в девяносто первом, когда продовольствие возили под охраной. Но постепенно все наладилось, я купил небольшую квартиру, перевез в Москву дочь. Потом уже стало легче. Меня познакомили с одним из крупных банкиров, у которого работало много «наших». Мы вместе зарабатывали большие деньги. У него были свои люди в правительстве и в московской мэрии. Но я чувствовал, что все это ненадежно. И вовремя отошел от дел с этим банкиром, еще до того, как его стали преследовать и разорять. Тогда я начал работать с московскими властями напрямую. Это оказалось даже прибыльнее, чем я думал. Достаточно было взять любой участок в городе и даже ничего не строить. Просто подождать и потом продать участок с разрешением на строительство в три или в четыре раза дороже первоначальной стоимости. Даже с учетом всех взяток это было очень выгодно. Еще мы поставляли комплектующие изделия для разных заводов, которые контролировали знакомые и родственники московской власти. Вы знаете, что меня поражает в Москве? Это система взаимных обязательств, уже много лет действующая в столице. Все построено на договоренностях, взаимных уступках, взаимной выгоде. Как только уберут из этой вертикали первое лицо, все сразу рухнет. Грохот будет такой, что мало не покажется. Ужасно интересно посмотреть, что тогда будет с городом. Хотя это не мое дело. Я и так потерял на этом проклятом кризисе огромные деньги. А теперь еще вынужден все бросить, чтобы прятаться в Европе и не возвращаться в Москву до тех пор, пока вы не найдете убийцу.

– Что ж, достаточно откровенно, – кивнул Дронго, – только я полагаю, что вы предусмотрели не все, что может с вами произойти. А если вас заставят вернуться в Москву? Вы полностью исключаете такую возможность?

– Кто меня заставит, – усмехнулся Мастан Халилович, – это уже невозможно. Я ведь частное лицо, а не государственный служащий. Где хочу, там и живу. Сколько хочу, столько здесь и остаюсь.

– А если заставят вернуться? – продолжал настаивать Дронго.

– Каким образом?

– Например, захватят вашего сына или дочь и потребуют вашего возвращения. Если человек, желающий убрать вас, пошел на такой изощренный трюк с вашим постельным бельем, то от него можно ждать чего угодно.

– Черт подери, – растерянно произнес Гасанов, поднимаясь из кресла, – кажется, такую возможность я не предусмотрел. Неужели вы думаете, что нам грозит и такая опасность?

– Усильте охрану своих близких, – посоветовал Дронго, – хотя бы на ближайшие несколько дней. А еще лучше, если вы предложите им покинуть Россию и присоединиться к вам. Я думаю, что вы не совсем правы, когда думаете только о собственном спасении. Отец семейства просто обязан отвечать за свою семью.

– Вы правы, – быстро согласился Мастан Халилович, берясь за телефон, – о такой опасности я даже не думал.

– И еще, – безжалостно добавил Дронго, – подумайте о том, насколько защищен ваш бизнес. Возможно, кто-то просто хочет отнять его. Такой вариант вполне вероятен.

– Может, мне вообще лучше пустить себе пулю в лоб, чтобы спасти своих детей, гарантировать безопасность семьи и сохранность своего бизнеса? – разозлился Мастан Халилович.

– Не нужно так шутить, – очень серьезно ответил Дронго, – иногда собственная смерть бывает лучшим выходом, чем другие варианты. Будем пока рассматривать самый приемлемый для вас случай – с возможным покушением Узуна Фаруха.

– Вы специально пытаетесь меня испугать? – зло уточнил Гасанов.

– Я всего лишь пытаюсь очертить возможные варианты. И учтите, что чем богаче человек, тем больше людей его ненавидит. Это аксиома, господин Гасанов. Известная всем и каждому. И еще один вопрос. Насчет вашей близкой знакомой.

– Это обязательный вопрос? – спросил Мастан Халилович, сжимая в руках свой мобильный.

– Ей тоже понадобится охрана, – невозмутимо сказал Дронго, – вы можете мне назвать ее имя?

– А вы можете гарантировать, что об этом никто не узнает?

– Во всяком случае, не от меня. Кто это такая?

– Лиана Сазонова. Она супруга известного человека. Я бы не хотел, чтобы вы каким-то образом потревожили ее...

– Она ваша любовница?

– Мы с ней иногда встречаемся.

– Она замужем?

– К сожалению...

– Так кто ее супруг?

– Вы дали мне слово...

– Кто ее супруг? – терпеливо повторил свой вопрос Дронго.

– Ростислав Сазонов, – ответил Гасанов, отводя глаза, – высокопоставленный сотрудник кабинета министров. Достаточно?

– Вполне. Только на сегодня. И учтите, что вам придется и в дальнейшем выслушивать мои неприятные вопросы. Последний вопрос. Чтобы лучше понять ваш характер. Зачем вы так рискуете? В вашем положении у вас могла быть любовница без такого опасного придатка, как ее высокопоставленный супруг?

– Не знаю. Она мне нравится. Мы знакомы уже несколько лет. Обычную содержанку или проститутку легко купить. Но это меня только раздражает. Никакого интереса. А с Лианой все не так. Но она замужем. Поэтому я не мог приглашать ее куда попало. Нужно было соблюдать некоторые правила.

– Теперь все понятно. Вы еще и человек, склонный к рискованным авантюрам. Теперь у меня все. Позвоните в Москву и усилийте охрану ваших близких. А я пока попытаюсь узнать про вашего бывшего компаньона и уточнить, как погибла ваша прачка.

– Значит, вы согласны мне помочь? – обрадовался Гасанов.

– Я собираюсь найти убийцу несчастной женщины и отравителя вашей собаки. Хотя бы ради этого мне стоит взяться за расследование столь необычного дела. А теперь давайте договоримся о том, как мы будем с вами связываться. Мне нужен номер вашего телефона, который вы будете включать каждый раз ровно в полдень и в шесть часов вечера на одну минуту. Если я вам не звоню, то вы его выключаете. Вы все поняли?

– А почему выключаяю? – не понял Мастан Халилович. – Я могу дать вам номер телефона, который будет включен всегда.

– Вот это меня как раз и беспокоит. Дело в том, что при современных технических возможностях вычислить, где именно вы находитесь, будет совсем нетрудно. При желании это можно сделать даже при выключенном телефоне. Но когда телефон включен, то подобный поиск значительно облегчается. А я бы не хотел потерять вас до того, как закончу это расследование. И дело здесь не в деньгах, как вы могли бы подумать, а в моей профессиональной гордости. Если вас убьют, то это будет очевидный прокол в моей работе.

– Только прокол? – невесело усмехнулся Гасанов. – И ничего больше?

– Вы хотите, чтобы я признался вам в своей большой любви? Или симпатии к деятелям, подобным вам? Этого не будет. У нас с вами должны быть с самого начала только деловые отношения. Я пытаюсь найти человека, который хочет вас убрать, и сохранить вам жизнь. И сделаю для этого все, применив свое умение и опыт. Но друзьями мы не станем, и на брудершафт с вами пить я не смогу. И не хочу.

– Все понятно, – кивнул Мастан Халилович, – а вы еще и жестокий человек.

– Нет. Я очень жестокий. Просто иногда притворяюсь добрым, – сказал Дронго, – но с годами это у меня получается все хуже и хуже.

Глава четвертая

Вечернего рейса в Москву не было, и они забронировали два билета на утренний рейс швейцарской авиакомпании. Дронго разместился в отеле, договорившись с Асадовым, что встретится с ним завтра утром, когда тот заедет за ним, чтобы отвезти в аэропорт. Вечером к нему в номер пришел Эдгар Вейдеманис. Он снял номер в отеле напротив, чтобы иметь возможность беспрепятственно следить за своим другом.

Эдгар постарался пройти незамеченным, чтобы не вызывать подозрения у обслуживающего персонала.

– Что там у тебя за незнакомец? – уточнил Дронго.

– Кажется, он из Чехии, а его друг летел из Киргизии. Но у него возникли какие-то проблемы с визой. Виза была дана в Чехию, а он сразу прилетел в Швейцарию. В общем, его остановили на границе и не пропустили дальше. Типичные проблемы с шенгенской визой. Этот тип не имел к вам никакого отношения.

– Уже легче, – пробормотал Дронго, – значит, за мной не следили. Теперь о главном. Я сегодня разговаривал с Мастаном Гасановым. И, судя по всему, он действительно очень встревожен. Кто-то решил его убить, используя довольно необычный способ покушения. Узнал, где стирают белье из дома Гасанова, и специально пропитал отравой постельное белье хозяина. Можешь себе представить такую изощренность?

– Почему же тогда Гасанов не погиб?

– Его собака почуяла яд и залезла в кровать, чтобы спасти хозяина. Собака умерла в страшных мучениях. Горничная, которая работала в доме и стелила постель, попала в больницу с сильным отравлением. Сейчас ее жизнь вне опасности. А прачка, стиравшая белье, на следующий день погибла под колесами автомобиля.

– Который, конечно, не нашли, – закончил за своего друга Вейдеманис.

– Верно. Машину до сих пор не нашли.

– Тогда он правильно сделал, что сбежал. Его кто-то действительно собирается убить. Не понимаю, почему он не может вычислить своего возможного недруга? Ведь только кто-то из близких мог знать о его прачке и постельном белье.

– В этом его самая большая проблема. Он сам составил список. Там его жена, дети, брат, любовница, прачка, кухарка, горничная, помощник и водитель. В общем, его самые близкие люди. Можешь представить себе его потрясение!

– И больше никого?

– Среди тех, кто имел доступ в его спальню, – никого. Но он считает, что организатором убийства мог быть некий Фарух Ризаев. Они были компаньонами в начале восьмидесятых. Затем их осудили. Фарух взял большую часть вины на себя. Получил приличный срок. Когда вышел на свободу, уже распался Союз. Потом он уехал в Белоруссию. Там тоже имел проблемы с законом. Еще раз получил большой срок как рецидивист и оказался в колонии на много лет. Недавно опять вышел на свободу и теперь пытается получить с Гасанова хотя бы часть своих денег. И учти, что он «вор в законе».

– Зачем криминальному авторитету таким необычным образом убивать своего должника? – сразу спросил Эдгар. – Он мог просто подослать обычного киллера. Но если он решился на убийство, значит, точно знает, что Гасанов ему ничего не даст.

– Видимо, знает точно. Гасанов отказывал ему трижды.

– Тогда тем более убийство должно быть показательно-громким, а не таким запутанным.

– Меня это тоже несколько смущает. Но других подозреваемых у нас нет. Хотя есть еще любовница, о которой я говорил. Можешь себе представить, что наш олигарх выбрал себе в подруги замужнюю женщину, муж которой работает в кабинете министров.

– Он сумасшедший? Зачем ему такие проблемы?

– Может, он ее любит. Не знаю. Я ему сказал примерно то же самое. Но это наши с тобой стереотипы мышления. Если очень богатый человек, то любовница должна быть обязательно топ-модель или победительница конкурса красоты. И, конечно, жить на полном содержании своего друга. Когда мы сталкиваемся с чем-то вне этой схемы, то начинаем недоумевать...

– В общем, все верно. В Москве столько красивых молодых женщин, которые только и мечтают, чтобы их взял на содержание такой богач, как Мастан Гасанов. Да, у нас типичные представления о московской богеме.

– И тем не менее она его любовница, которая была в его квартире и видела, на каком белье он спит.

– У него какое-то меченое белье?

– Нет. Но в его спальне обычно стелили белье определенного цвета. После тюрьмы и колонии он не выносит голубого и белого белья. Только кремовый цвет.

– И он не говорит, кого конкретно подозревает?

– Не говорит. Он уверен во всех своих родственниках и прислуге. Но все же когда вылетел сюда, то никого не стал предупреждать. А завтра собирается уехать отсюда, не сказав даже своему помощнику, куда именно едет. Это о чем-то говорит?

– Он не доверяет никому полностью, – сказал Эдгар, – даже своим близким.

– Я тоже так подумал. Поэтому нам нужно будет начать проверку именно с них.

– Он женат первым браком?

– Да. Почти тридцать лет. Хотя спальни у них с супругой отдельные, что не совсем характерно для южного человека. Но я где-то читал, что после двадцати лет совместной жизни супруги обычно редко разводятся. Они как бы привыкают друг к другу. Даже невзирая на недостатки.

– Да, это много, – согласился Вейдеманис. – А если ей известно о его любовнице, и она не хочет терпеть подобного отношения? Как ты считаешь, она могла организовать подобное убийство?

– Пока не знаю. Но шансов мало. Один из ста. На юге свои понятия о правилах семейной жизни. Там жена не станет убивать своего мужа из-за его любовницы. Это практически невозможно. Убить отца своих детей. Как бы он ей ни изменял, как бы он вызывая себе ни вел. Менталитет складывается веками, и его трудно изменить даже под влиянием больших денег. Недавно я смотрел фильм про Берию. Когда его арестовали, супруга Берии просила его любовницу не давать показания против ее мужа. Для многих такое поведение было бы дикостью, но любой кавказец понимает, что и его жена может поступить точно таким образом. Но мне все равно нужно будет переговорить с ней. Она сравнительно молодая женщина, ей нет еще и пятидесяти. Возможно, есть какие-то другие факторы, о которых мы пока даже не подозреваем. Что у нас от Кружкова?

– Пока проверяет. Ничего конкретного.

– Завтра я лечу в Москву вместе с помощником Гасанова. Как и все люди маленького роста, он очень амбициозен, напорист, у него явный «наполеоновский» комплекс. В то же время он родственник Гасанова, сын его кузины или что-то в этом роде. Нужно будет поговорить с ним более обстоятельно. Очевидно, Мастан Халилович доверяет ему больше других. Давай сделаем так. Ты перезвони в Москву и попроси собрать все данные не только на Гасанова, но и на всех его близких родственников, на всех, кто работает у него дома. Пусть Кружков все проверит. А я перезвоню в Баку и попрошу выслать мне досье на этого Узуна Фаруха. Если он отбывал наказание в Азербайджане и был осужден на длительный срок, то его досье должно храниться и в Архивном центре, и в Информационном центре. Постараюсь, что-нибудь узнать.

– Договорились, – согласился Эдгар, – только учти, что завтра в аэропорту тебя могут встречать бандиты этого Фаруха. Я попрошу, чтобы Леонид приехал в аэропорт и взял оружие.

Нужно исключить всякую возможность покушения на тебя. Тем более если ты будешь с этим помощником. Он мне не очень понравился. Глаза бегают, все время суетится, словно боится куда-то опоздать.

– Это типичный комплекс помощников, которые всегда опасаются подвести своего босса. Все время пытается держать в голове всякие подробности, чтобы угодить своему хозяину. Отсюда и блуждающий взгляд, и вечная суетливость, – улыбнулся Дронго.

Вечером он просидел перед ноутбуком почти три с лишним часа. Затем заказал ужин в номер, принял душ и отправился спать. Утром Руфат Асадов заехал за ним уже на знакомом «БМВ». В аэропорт они приехали за полтора часа до вылета. Быстро оформили билеты, прошли в зал для пассажиров бизнес-класса. Асадов явно наслаждался своим положением, он, казалось, даже немного вырос, когда входил в этот зал. Обычно он летал за своим шефом в салонах экономкласса.

– Вы давно работает с Мастаном Халиловичем? – спросил Дронго.

– Уже много лет, – гордо сообщил Асадов, – мы ведь родственники. Я окончил институт, отслужил в армии и почти сразу уехал в Москву, где начал работать у Мастана Халиловича. Уже больше десяти лет.

– Помощником?

– Нет, помощником только последние три года. А до этого работал в его компаниях.

– Но сейчас вы его самый близкий человек.

– Надеюсь, что это так, – улыбнулся Асадов.

Когда они сидели в креслах, то казалось, что они почти одного роста. Со стороны могло показаться, что Асадов даже выше, хотя его рост был метр пятьдесят семь, а рост Дронго на тридцать сантиметров выше.

– Вы знали, что произошло в Москве с собакой вашего шефа? – уточнил Дронго.

– Я сам отвозил ее хоронить, – сообщил Асадов, – мы обмотали ее в целлофан и вынесли из дома. Бедный пес, он был так предан хозяину.

– Собака быстро умерла?

– Да. Когда он мне позвонил, чтобы я приехал, она была уже мертва.

– Значит, вас не было дома, когда это произошло?

– Нет, но я сразу приехал.

– Кто был у него в квартире в тот момент, когда умерла собака?

– Кухарка и водитель. Больше никого.

– Они давно работают у Мастана Халиловича?

– Кухарка давно. Уже лет шесть или семь. Водитель новенький, только два года.

– У него один водитель?

– Четверо. Но этот водитель работает лично с ним. Хороший, исполнительный парень. Немного заторможенный, но здесь уже ничего не поделаешь. Как говорит один наш знакомый, если бы он был очень умным, то был бы президентом Академии наук, а не водителем.

– Ясно. А где предыдущий водитель, который работал с Гасановым раньше?

– На пенсии. Ему было уже за шестьдесят. Очень преданный и достойный человек. Лезгин из Хачмаса. У него случился микроинфаркт, и врачи запретили ему работать. Пришлось отправить его на пенсию.

– Кухарка готовит только для Гасанова?

– Она работает в городе. На даче работает своя кухарка, но она больше обслуживает Тамиллу-ханум, супругу Мастана Халиловича. У каждого свои вкусы. Тамилла-ханум следит за диетой, любит разные зеленые салаты, овощи, почти не ест мяса, а Мастан Халилович, наоборот, мясоед. Поэтому у каждого из них своя кухарка. Так удобнее.

– Значит, в городской квартире Гасанова его супруга почти не появляется?

– Очень редко. Она больше живет на даче. А сам Мастан Халилович часто остается в городе. У него срочные дела, разные переговоры, он не любит тратить время на переезды. Тем более что можно застрять в этих автомобильных пробках на два или три часа. Ведь квартира Гасанова на Тверской. Он соединил две большие четырехкомнатные квартиры на этаже и сделал из них одну очень большую квартиру. Шестикомнатную с тремя ванными комнатами.

– В доме есть охрана?

– Внизу всегда дежурит консьерж. И есть видеокамера с домофоном.

– Давно он переехал в эту квартиру?

– Думаю, что лет десять назад. Или одиннадцать. Точно не знаю.

– Кто еще бывает в квартире, кроме кухарки и водителя?

– В квартире всегда убирала горничная. Ей уже под сорок. Сария Юлдашева. Сейчас она в больнице, но говорят, что скоро поправится.

– Кто еще мог бывать в этом доме, кроме обслуживающего персонала. Ваша прачка к вам приходила?

– Никогда. Мы отвозили ей белье и сами его получали. Обычно белье отвозил и привозил Сережа.

– В спальню к вашему шефу он наверняка не заходил?

– Нет, – улыбнулся Асадов, – не заходил.

– А кто заходил? Вы работаете с Мастаном Халиловичем уже не первый год. Кто туда заходил?

– Никто. Разве можно пускать кого-нибудь из посторонних в свою спальню. Никто не заходил. Это точно.

– А его родные?

– Я их не имел в виду, – чуть покраснел Асадов, – конечно, они могли заходить куда захотят. Его жена, его сын и дочь. Иногда приезжал его младший брат Вугар. Но это близкие люди, и это их квартира, я имею в виду его жену и детей.

– Где работает младший брат Мастана Халиловича?

– Тоже в нашей компании. Занимается финансами. Кому еще можно доверять, если не собственному брату, – улыбнулся Асадов.

Их пригласили на посадку. Входя в самолет, Дронго увидел сидевшего в первом ряду второго салона Эдгара и улыбнулся. Затем прошел на свое место, уступая кресло у окна Руфату Асадову. Они пристегнулись, готовясь к взлету.

– Все время думаю, как удобно, что есть самолеты. Только три с половиной часа – и ты уже в Москве, – сказал Асадов.

– Не нужно говорить заранее, – попросил Дронго, – нам еще нужно долететь. А я в отличие от вас терпеть не могу самолеты.

– Почему? – удивился Руфат.

– Слишком много летал в молодости. Почти по всему свету. И слишком часто попадал в разные переделки. Два раза самолеты горели, один раз при посадке лайнер врезался в бензовоз, и по абсолютной, невероятной случайности никто не погиб. Никто не был даже сильно ранен. Бензовоз был разбит в лепешку, левого крыла у самолета не было, а в салоне все было спокойно. Не считая ссадин и царапин у некоторых пассажиров. Вот такая история.

– Значит, с вами можно летать спокойно. Вы уже все свои испытания получили сполна, – улыбнулся Асадов.

– Надеюсь, что получил, – пробормотал Дронго.

Они взлетели, взяв курс на Москву. Уже через десять минут многие пассажиры спали. Самолет набрал высоту. За окнами плыли редкие облака, и сквозь них были видны горы. Асадов закрыл задвижкой иллюминатор, собираясь спать. Дронго недовольно покосился на него. Им еще предстояло о многом поговорить.

– У меня есть еще вопросы, – сообщил он Руфату.

Тот сразу открыл глаза.

– Какие вопросы?

– Насчет Лианы Сазоновой.

Асадов едва не подскочил в своем кресле.

– Я не знаю, кто это такая. Никогда о ней не слышал, – быстро сказал он, – и вообще, я не понимаю, почему вы спрашиваете у меня об этом. Было бы правильно спрашивать об этом у самого Мастана Халиловича.

– Он просил, чтобы вы помогли мне в этом расследовании, – напомнил Дронго.

– Для этого я и лечу вместе с вами, – напомнил Асадов, – только не нужно меня спрашивать про эту особу. Зачем мне такие неприятности?

– Вы отказываетесь помогать своему боссу?

– Не нужно задавать мне такие вопросы. Конечно, не отказываюсь. Но вы должны и меня понять. Если я скажу что-нибудь не так, то завтра останусь без работы. А если скажу иначе, то у меня могут быть серьезные неприятности с мужем этой особы. Сами посудите, кому понравится, если про вашу жену рассказывают всякие гадости? Да еще о подробностях ее встреч с чужими мужчинами.

– А вы знаете подробности? – не унимался Дронго.

– Знаю, – тихо прошипел Асадов, – я вообще все знаю. Именно поэтому мне так доверяет Мастан Халилович. И именно поэтому я обязан хранить молчание, чтобы не подводить его.

– Только не в этом случае, – возразил Дронго, – не забывайте, что я теперь ваше доверенное лицо. Как адвокат или личный врач. И вы должны рассказывать мне обо всех симптомах болезни нашего клиента. Нет, не так. Вы просто обязаны мне все рассказывать, чтобы я мог квалифицированно помочь вашему боссу.

– Что вы хотите?

– Давайте поговорим об этой женщине. Насколько я понял, вы ее неплохо знаете?

– Знаю, конечно. Они знакомы с Мастаном Халиловичем уже несколько лет, – сообщил Асадов, – очень красивая женщина. Высокая блондинка с большой грудью. Я думал, что такие бывают только в кино. Она сама из Риги, кажется, у нее мать наполовину латышка. Ей тридцать пять лет. Раньше она была моделью, лицом известной косметической фирмы. Первый ее муж был кинорежиссером. От него у нее родилась дочь, которая сейчас где-то учится. Кажется, в Великобритании. Потом они развелись, и она работала представителем какой-то зарубежной фирмы. Лиана Доринт, так, кажется, ее тогда звали. И ее портреты красовались во всех глянцевах журналах. Тогда Мастан Халилович с ней и познакомился. Он был по-настоящему влюблен, я это видел. Но в его положении нужно было сохранять выдержку. Сыну было только двадцать два года, а дочери шестнадцать. Она как раз переходила в десятый класс, и он не имел права травмировать своих детей.

Но на отдых в Египет он взял с собой Лиану. И они отлично провели время. Потом у них произошла какая-то размолвка. У него появились другие женщины, а рядом с ней начал «светиться» какой-то молодой выскочка, сын одного из олигархов. А потом неожиданно объявили, что она выходит замуж за Ростислава Сазонова. Он тогда работал в аппарате администрации президента, а года два назад перешел в аппарат правительства. Как раз тогда они снова случайно где-то встретились. На какой-то вечеринке. И снова начали встречаться. Я иногда не понимаю нашего шефа. У него такие возможности, такие женщины вокруг него. А он встречается с замужней женщиной не первой свежести, у которой есть ребенок от первого мужа и неприятности от второго.

– Почему неприятности?

– Говорят, что он ее дико ревнует. Получить такую красотку в пятьдесят пять лет – это еще не так сложно. Но нужно суметь ее удержать. Хотя он вполне состоятельный человек, но –

девятнадцать лет разницы. Представляю, что с ним будет, если он узнает, что она изменяет ему с Мастаном Халиловичем, который младше него всего на два или три года! Наверно, сойдет с ума от бешенства, ведь он ревнует ее к молодым актерам или сыночкам олигархов, даже не подозревая, с кем именно встречается его жена.

– А откуда вы знаете, что он ее ревнует?

– Он организовал за ней слежку, и нам пришлось провести целую операцию, чтобы заменить ее на похожую женщину, которая, надев светлый парик, два часа ездила по городу в машине Лианы, пока сама она находилась в квартире моего шефа. Вот с таким ненужным риском мой босс встречается с этой особой.

– А если бы ваш трюк не удался и супруг все узнал? Нет ничего опаснее уязвленного самолюбия высокопоставленного супруга. К тому же человека состоятельного и болезненно ревнивого. Да еще прибавьте его возраст.

– Думаю, что пока он ничего не знает. Нам так кажется, – уточнил Асадов. Ему нравились эти слова – «наша компания», «наши интересы» и «наш шеф». Он словно ставил себя рядом с хозяином компании, как бы составляя с ним единое целое. Можно было не обращать внимания на подобные слабости маленького помощника.

Дронго усмехнулся.

– Значит, вы еще и помогли своему боссу прятать его любовницу от наблюдения ревнивого мужа?

– Получается так, – гордо кивнул Асадов. – Вы будете завтракать? Кажется, стюардесса сейчас принесет завтрак.

– Не буду, – ответил Дронго, – я вообще стараюсь меньше есть в самолетах. Если начнется турбулентность, я попрошу дать мне немного коньяка. Как лекарство от страха.

– А я люблю шампанское, – сообщил Асадов, – в швейцарских компаниях во всех салонах бизнес-класса есть хорошее вино и великолепное шампанское.

Он так и сделал, попросив принести ему бокал шампанского. И с аппетитом начал есть. Дронго отказался от еды, покосившись на своего соседа. Почему так несправедливо устроен мир, уныло подумал он. Я в два раза выше и в три раза сильнее его. Но я боюсь летать самолетами и почти не ем во время перелетов, тогда как этот маленький помощник с удовольствием завтракает и пьет шампанское, не беспокоясь о турбулентности. Он отвернулся, закрыв глаза. Через полчаса, когда поднос унесли и стюардесса предложила им кофе, он попросил зеленый чай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.